

ШЕСТОЙ МИР

СЛЕД МОЛНИИ
STORM OF LOCUSTS

REBECCA ROANHORSE

TRAIL OF LIGHTNING

РЕБЕККА
РОАНХОРС

СЛЕД
МОЯНИИИ

fanzon

МОСКВА
2020

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
P58

Rebecca Roanhorse
TRAIL OF LIGHTNING

Copyright © Rebecca Roanhorse 2018

Saga Press/Gallery Books, a Division of Simon & Schuster, Inc.,
is the original publisher

Дизайн обложки К. Тинмей

Иллюстрация на переплете И. Косулиной

Роанхорс, Ребекка.

P58 След молнии / Ребекка Роанхорс ; [перевод с английского
М. К. Сороченко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 416 с.

ISBN 978-5-04-110365-1

Большую часть мира накрыла Большая Вода, но резервация навахо
Динета возродилась. На земли навахо вернулись боги и монстры.

Мэгги Хоски — убийца чудовищ, одаренная силой кровожадного
клана.

В поисках пропавшей девочки она становится последней надеждой
жителей маленького городка. Но охота на монстра открывает ей нечто
гораздо более страшное. Мэгги неохотно заручается поддержкой Кая
Арвизо, знахаря-целителя, и вместе они отправляются в путь, чтобы
разгадать подсказки древних легенд, обменяться одолжениями с об-
манщиками и сразиться с темным колдовством. Когда Мэгги узнает
правду, ей придется противостоять своему прошлому — если она хочет
выжить.

Добро пожаловать в Шестой Мир.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© М. Сороченко, перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-110365-1

*Моему любимому мужу Майклу.
Без тебя я бы не справилась.*

Глава 1

МОНСТР ЗДЕСЬ ПОБЫВАЛ. Я чую его запах.

Зловоние чудовища — смесь резкого запаха пота и мясистой зрелости немывтой плоти хищника, к чему примешивается нечто такое, что я не могу определить. Эта вонь не только портит свежесть вечернего воздуха, но и несет в себе нечто более глубинное, чем простой запах, более низменное. Оно выбивает меня из колеи, заставляя мои собственные инстинкты предостерегающе взвыть. На лбу моем выступает холодный пот. Я вытираю его тыльной стороной руки.

Я также чувствую запах ребенка, которого украдо чудовище. Он легче и чище. Невинной. Девочка пахнет жизнью или, по крайней мере, пахла до тех пор, пока ее не утащили отсюда. Но теперь ее запах мог измениться.

Дверь Капитула Лукачиная широко распахивается. Посреди небольшого зала для собраний на старом измятом металлическом складном стуле сидит женщина с непроницаемо-каменным лицом — вероятно, мать пропавшего ребенка. Рядом мужчина среднего возраста в серебристой ковбойской шляпе и подросток в военной форме — с виду моложе меня на несколько лет. Мальчик держит женщину за руку и что-то шепчет ей на ухо.

..... РЕБЕККА РОАНХОРС

Кроме них, в этом зале собралось почти все население городка Лукачикай. Кто знает, что привело их сюда — желание поддержать и оказать поддержку или простое любопытство, вызванное притягательной силой чужого горя. Скучковавшись по двое-трое, они сидят угрюмыми группками на точно таких же потрепанных серых стульях, сторбившись и вдыхая спертый воздух, который с каждой минутой становится все более ядовитым благодаря запертым наглухо окнам и ощущению чрезмерного числа людей, собравшихся в слишком маленьком помещении. Все они местные жители — навахо, или *дине*, как мы себя называем, чьи предки жили в предгорьях Чускских гор на протяжении многих поколений, пока *билигааны*¹ осваивали этот континент. Они могут рассказать истории о родственниках, искалеченных и убитых во время «Долгого пути»² или в индейских школах-интернатах. Вероятно, никогда в жизни они не покидали пределы своей резервации — даже в те времена, когда она представляла собой всеми забытый захолустный район Соединенных Штатов, а не страну *Динета*³, в которую превратилась сейчас. Эти *дине* знают старые песни, исполняемые *хатаальи*⁴, древние легенды о чудовищах и уничтожавших их героях — еще до того, как эти чудовища опять восстали из мертвых, чтобы вновь начать красть дере-

¹ Белые люди (*навах.*).

² «Долгий путь» — насильственное переселение индейцев навахо с родины в резервацию Боске-Редондо весной 1864 года.

³ Динета — самоназвание территории проживания индейцев навахо.

⁴ Шаман (*навах.*).

венских детей из кроваток. И теперь они хотят, чтобы одним из таких героев стала я.

Но я не герой. Скорее последнее средство — орудие для выжигания земли. Я тот, кого вы нанимаете, когда последний герой возвращается домой в мешке для трупа.

Мокасины не издают ни звука, когда я прохожу по растрескавшемуся кафельному полу и останавливаюсь перед матерью. Тихие разговоры затихают за спиной, все головы оборачиваются в мою сторону. Моя репутация здесь явно известна, поскольку далеко не все взгляды дружелюбны. У дальней стены слоняется взад-вперед группа мальчишек — должно быть, друзей подростка в военной форме. Они громко хихикают, провожая меня глазами, и никто не пытается заставить их утихнуть. Я стараюсь не обращать на них внимания. Говорю себе, что мне все равно. Я здесь, чтобы выполнить работу и взять за нее плату, а то, что будут думать обо мне лукачки-кайцы, не имеет никакого значения.

Впрочем, мне всегда плохо давалась ложь.

У матери ко мне только один вопрос:

— Вы ее спасете?

Спасу? Хороший вопрос, не правда ли? Что толку в моих навыках и силе кланов, если я не смогу ее спасти?

— Я ее найду, — отвечаю я.

И найду, вне всяких сомнений. Но спасение и поиск — это разные вещи. Кажется, мать это чувствует. Она закрывает глаза и отворачивается.

Мужчина в ковбойской шляпе откашливается и поднимается со стула. На нем старые выцветшие

..... РЕБЕККА РОАНХОРС

джинсы «Леви'с», которые наверняка были ему впопыху лет десять назад, но теперь так малы, что живот нависает над пряжкой ремня. Столь же плохо сидящая рубашка прикрывает его дряблый торс, а взгляд налитых кровью глаз, который мужчина бросает на меня, явственно говорит, что он уже в трауре. Что, возможно, он уже и сам не очень верит в спасение.

Он представляет мне мать, мальчика и, наконец, себя. Имя, фамилия, название кланов — всё как положено. Мужчина — дядя пропавшей девочки, а мальчик — ее брат. Все они Бегей — фамилия такая же обычная для *дине*, как Смиты для *билигаанов*. Но кланы — то, что делает человека *дине* и определяет его родственные обязательства — мне незнакомы.

Он умолкает, ожидая, что и я, в свою очередь, назову свое имя и кланы — чтобы они могли найти для меня место в их маленьком мире, обозначить наши отношения и ту меру дружелюбия, которую они могут проявить ко мне. И то дружелюбие, которое я могу проявить к ним.

Но я молчу. Мне всегда было плевать на традиции. К тому же всем вокруг будет только лучше, если мы останемся друг другу незнакомцами.

Наконец старший Бегей кивает, понимая, что я не склонна соблюдать этикет *дине*, и жестом указывает на матерчатую сумку у своих ног.

— Это все, что мы можем предложить, — говорит он.

Руки его при этом дрожат, и я понимаю, что лежец из него не лучше, чем из меня. Тем не менее он гордо поднимает подбородок и вызывающе смо-

..... СЛЕД МОЛНИИ

трет на меня широко раскрытыми глазами из-под полей шляпы.

Я делаю шаг вперед, наклоняюсь и заглядываю в сумку, после чего быстро произвожу подсчеты в уме. Серебряные украшения неплохи — бусы, старые штампованные браслеты, несколько маленьких традиционных ожерелий. Правда, бирюза в них полная дрянь — не хватает «паучьих жил», которые бы делали камни по-настоящему ценными. Серебро можно будет обменять на нужные мне вещи на рынках Тсэ-Бонито, но бирюза ничего не стоит. Это не более чем красивые голубые камешки.

— Бирюза — дерьмо, — говорю я вслух.

Раздается недовольное ворчание, и брат с силой отодвигает стул. Металлические ножки протестующе скрежещут по плитке. Мальчик скрещивает руки на груди с гримасой отвращения.

Я не обращаю на него внимания и вновь поворачиваюсь к дяде.

— Возможно, вам следует нанять кого-то другого: «Псов-Законников» или «Жаждуших».

Дядя качает головой. Вся напускная бравада улещивается под тяжестью ограниченных возможностей.

— Мы пытались. Никто не пришел. Мы бы не стали посылать «бегуна», если бы не были...

В отчаянии. Он не обязан говорить это вслух. Я пойму и так.

Бегун — немного неверный термин, поскольку на самом деле им оказался низкорослый коренастый пацаненок на мотоцикле. Но на ногах у него были древние кроссовки «Найк» — тщательно обмотан-

..... РЕБЕККА РОАНХОРС

ные скотчем для укрепления разошедшихся швов на носках и пятках.

Спросите, откуда я это знаю? Дело в том, что он остановился прямо у меня во дворе, громко рыча мотоциклом на холостом ходу и переполошив моих собак. Я выглянула за дверь и крикнула ему, чтобы он убирался ко всем чертям. И что я больше не занимаюсь охотой на монстров. Но он сказал, что Лукачикуй нуждается в помощи и что никто больше не придет. У них пропала маленькая девочка, за поиски которой мне заплатят. Я ответила, что это не мои проблемы, но пацаненок настаивал и в конце концов сумел меня заинтересовать. Последние девять месяцев я не занималась ничем — только плялилась на стены своего трейлера, так что же мне еще оставалось делать? К тому же я изрядно поиздержалась и нуждалась в средствах на жизнь. В общем, когда малыш окончательно отказался уходить, я решила посетить Лукачикуй. Но теперь начинаю жалеть об этом. За месяцы добровольного заточения я успела забыть, как сильно ненавижу толпу. И как толпа ненавидит меня.

Дядя горестно разводит руками. Мольба в его взгляде красноречивее всяких слов.

— Я подумал... если вы увидите всё своими глазами...

О да, я вижу всё. В том числе и то, что Беги о чем-то умалчивают. Возможно, они не хотят платить нормальную цену только потому, что я женщина.

Возможно, потому, что я — не Он.

— Какая чушь! — громко говорит брат, и от его слов по залу проносится нервное хихиканье. — Что

..... СЛЕД МОЛНИИ

она может сделать такого, на что не способны мы? — Он жестом обводит кучку своих друзей, жмущихся к стене. — Силы клана? Но она даже не говорит нам, к каким кланам принадлежит. Она — ученица *Нейзгани*?¹ Но это только с ее же слов.

При упоминании имени Нейзгани биение моего сердца учащается, к горлу подкатывает комок. Но я заставляю себя проглотить знакомую боль от того, что меня бросили. Тихий отголосок былых желаний. Я не имею никакого отношения к Нейзгани уже давным-давно.

— Не только с ее слов, — возражает дядя. — Так все говорят.

— Все? Но все говорят, что она ненормальная. Что не следует обычаям навахо. Об этом говорят абсолютно все — кого ни спроси.

По толпе разносится ропот. Не сомневаюсь, что они обсуждают мои сомнительные моральные качества. Но дядя заставляет их умолкнуть одним взмахом руки.

— Она единственная, кто пришел. Что вы хотите? Чтобы я отослал ее обратно? Чтобы оставил твою сестру на ночь с той тварью, которая ее унесла?

— Пошли меня! — крикнул мальчик.

— Нет! В горах нельзя находиться ночью. Чудовища...

Глаза его быстро оглядывают меня — ту, которую он готов послать в горы ночью. Но на лице его нет ничего похожего на чувство неловкости. В конце концов, он платит мне за риск — хотя и довольно

¹ Убийца (*навах*).

..... РЕБЕККА РОАНХОРС

скупо. Но племянник — совсем другое дело. Он родственник.

— Мы уже потеряли одного, — поясняет он ослабевшим голосом.

На мгновение кажется, что мальчик готов бросить дяде вызов, но мать смотрит на него так красноречиво, что он опускает плечи. Он громко выдыхает и откидывается на спинку стула.

— Я бы не испугался, — бормочет он, просто чтобы оставить за собой последнее слово.

Но все понимают, что это неправда. Несмотря на армейские обноски, в которые он одет, мальчик сдался достаточно быстро. Я оглядываю подростков у стены. Они притихли и смотрят куда угодно, но только не на своего друга. Пожалуй, я сильно переоценила его возраст.

Затем я бросаю демонстративный взгляд на закопченное окно, за которым быстро садится солнце. Если бы у меня были часы, я бы сделала вид, что смотрю на них.

— Кажется, я зря теряю время, — говорю я им. — Платите столько, сколько я заслуживаю, и тогда я приступаю к работе. Или не платите, и я иду домой. Мне без разницы. — Я делаю паузу, прежде чем взглянуть на мать. — Но для вашей дочери разница может быть существенной.

Мальчик вздрагивает. Не без удовольствия я смотрю, как краска стыда заливает его лицо, как вдруг тяжелый воздух пререзывает женский голос:

— У вас есть сила клана?

Это второе, что произнесла мать с тех пор, как спросила, могу ли я найти ее дочь. Кажется, она са-

ма поражена своим внезапным вопросом. Она поднимает руки, будто намереваясь закрыть себе рот, но затем резко останавливается и опускает руки на колени. Пальцы ее сильно сжимают ткань длинной юбки, после чего она тихо добавляет:

— Как у него — у Убийцы Чудовищ. Ходят слухи, что он всему вас обучил. И теперь вы... как он.

О нет, я далеко не Нейзгани. Это он — легендарный Убийца Чудовищ, родившийся от двух представителей Святого Народа. А я — человек, простая девочка с пятипальными руками. Но меня трудно назвать нормальной — такой же, как этот брат и его друзья. Я бы послала к черту и мальчишку, и его дядю, но не могу отказать скорбящей матери.

— Я — *Хонагааниш*¹, рожденная для *К'ааханааниш*.

Я упоминаю лишь два своих первых клана, но и этого более чем достаточно для того, чтобы угрюмая подозрительность толпы переросла в громкую враждебность. Один из мальчиков рывкает в мою сторону что-то грубое.

Мать встает, выпрямив спину, и жестким взглядом заставляет толпу замолчать. В ее глазах зажигается нечто яростное — такое, что заставляет меня проникнуться к ней симпатией, несмотря на все усилия не обращать на это внимания.

— У нас есть еще... — говорит она. Дядя пытается протестовать, но она обрывает его неожиданно громким и повелительным тоном: — У нас есть еще

¹ Дух-покровитель клана (*навах*).